

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts two hooded figures in a desolate, post-apocalyptic urban environment. The figure on the left is seen from the back, wearing a dark hooded robe with a sword at their waist. The figure on the right is facing them, wearing a tattered, dark robe and has a grotesque, screaming face. They are engaged in a sword fight, with a bright, glowing light emanating from the point of contact between their blades. In the background, there are dark, skeletal remains of buildings and a few lit windows in distant skyscrapers under a dark, cloudy sky.

А. ПОНОМАРЁВ

КНИГА ИСАИИ:
НЕТЛЕННОЕ ЗНАМЯ

18+

Александр Пономарев
Книга Исайи: Нетленное знамя
Серия «Долиной
смертной тени», книга 1

*<https://litres.ru/74052974>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Города-крепости, ошестинившиеся стенами. Пустоши, где призрачные тени скользят по земле, а ветер носит пепел старого мира. Тёмные Земли, откуда не возвращаются. И Врата Ада, которые открываются снова и снова.

Исайя не герой. Он не носит белый плащ, не читает проповедей и не верит Церкви. Он просто убивает демонов — потому что умеет это делать и потому что за их туши хорошо платят. Его мир — это дешёвые кабаки, опасные контракты и одиночество, ставшее второй кожей.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Плач мертвых машин	12
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Пономарев

Книга Исайи:

Нетленное знамя

«Всем, чьё пламя еще горит»

Пролог

Я редко вспоминаю каким раньше был мир.

Он умер, и теперь в этом нет смысла. Но иногда, под утро, когда не можешь уснуть и смотришь в потолок своей комнаты, — приходят обрывки.

Асфальт. Чёрный, ровный, бесконечный. Электричество. Горячая вода из крана. Интернет.

А ещё стекло. Много стекла.

Улицы в том мире шумели не криками, не колоколами и не лязгом мечей, а просто — суетой.

Тот мир не знал демонов. И отличался от здешнего так же, как молитвы паладинов — от рун инквизиторов.

Тогда я был другим. У меня было другое имя. Илья.

Илья — это мальчик, который думал, что демоны — это чья-то выдумка, страшилки для детей. Мальчик, который злился на родителей за то, что они не выполнили очередное

обещание. Тот, который впервые поцеловал девочку и неделю ходил с глупой улыбкой.

Я не жалею того мальчика. Он был глупым. Но он был живым. По-настоящему живым — не так, как мы сейчас, когда «жив», значит «ещё не умер».

В тот вечер я возвращался с тренировки. Ехал в полупустом автобусе и злился на тренера, специально поставившего меня против того, кто сильнее.

Урок был простой: не бывает страшных или непобедимых противников, есть только те, которых ты ещё не изучил.

Но это я усвоил потом. А тогда я просто сидел у окна и смотрел на знакомую улицу.

Первые Врата открылись прямо на перекрестке.

Секунду назад была просто улица — машины, светофор, ларёк с мороженым. А в следующую воздух над дорогой дрогнул, растянулся и прорвался как плёнка, которую дернули с той стороны.

Свет погас в ту же секунду. Весь. Уличные фонари, машины, окна в домах. Даже телефоны, что были в руках. Стало темно. Только красное свечение из разрыва пульсировало, как рана, не предвещавшая ничего хорошего.

Автобус тряхнуло. Я ударился головой о поручень, кто-то закричал. Водитель выругался — громко, сочно, по-взрослому. Я запомнил это. Почему-то именно его голос, а не крики, не треск, не грохот.

Асфальт под вратами пошёл трещинами. Я видел, как они

бегут от перекрёстка — чёрные, рваные, быстрые. Из них повалил, густой, горячий, зловонный дым. Он лез в нос, в рот, в глаза. Я закашлялся. А когда вновь поднял взгляд — увидел их.

Я не назвал бы их демонами тогда. У меня не было для них слов. Внешне похожи на волка, но мощнее. Ни шкуры, ни шерсти. Только торчащие кости. Глаза — угли без зрачков, не выражающие ничего, кроме голода.

Они лезли из разрыва не по одному и не по два, а целым потоком, как крысы из канализации, только больше, быстрее, злее.

Первая тварь схватила женщину из ближайшей машины. Та успела только вскрикнуть. Потом её голова дёрнулась — и всё.

Дальше я не смотрел. Вжался в кресло, закрыл голову руками и старался не слушать. Тщетно.

Крики. Хруст. Снова крики. И этот звук — мокрый, чавкающий, заставляющий желудок сжиматься в комок.

Я хотел бежать. Но ноги не слушались.

Потом земля снова дрогнула. Сильнее. Дом неподалёку — серая девятиэтажка — попросту сложился. Стены, балконы, окна — всё превратилось в облако пыли, накрывшей улицу.

Мужик в промасленной куртке — один из пассажиров, схватил меня за руку и потащил из автобуса.

— Валим отсюда, пацан! — закричал он уже снаружи.

И я побежал. Так быстро, как никогда до этого.

Монстры были везде. Я не понимал, откуда их столько. Они выскакивали из-под земли, из подворотен, из разбитых витрин. Хватали и разрывали всех.

Мы свернули в ближайший переулок. Потом на параллельную улицу. Я не знал, куда. Просто подальше от того перекрёстка. От криков. От запаха.

Но на следующей улице оказались ещё Врата. Такие же. Разрыв в воздухе, пульсирующий красный свет, трещины по асфальту. И твари. Много тварей. Они уже были здесь. Они уже убивали.

Мужик развернулся, потащил меня обратно.

— Назад! — хрипел он. — Назад, быстро!

Мы бросились в другую сторону.

Через дворы. Через арки. Я видел тела. Много тел. Некоторые ещё дёргались. Я старался не смотреть.

Потом мы наткнулись на полицейских. Они стреляли по монстрам, отчаянно дёргая за курки пистолетов.

— Не берут! — кричал один из них. — Пули их не берут, сука!

Я видел, как они попадают в тварей. Но тем было всё равно. Одна прыгнула. Полицейский замолчал, следом второй.

Мы не останавливались.

Я бежал, пока лёгкие не начали гореть. Пока ноги не стали ватными. Пока мужик в куртке не запнулся и не отпустил мою руку.

Я не знаю, что с ним стало. Я просто бежал дальше. Без

оглядки.

Я хотел домой. К маме. К папе. К своей комнате, к своей дурацкой обиде на тренера.

Но я не мог найти свой дом.

Я заблудился. Всё вокруг было в дыму, в пыли, в этом красном свечении. Улицы, на которых я вырос, стали чужими. Знакомые дома — руинами или пожарищами. Я остановился. Где-то.

Тогда я не знал, что мой дом уже не существует. Что мама и папа... Не знал. Но я понял, что не смогу к ним вернуться.

Ни сегодня. Ни завтра. Никогда.

Чья-то рука легла на плечо. Я не дёрнулся. И не вскрикнул. Просто повернул голову.

Военный. Не молодой, лет тридцати пяти, лицо в крови. — Живой, парень? — спросил он.

Я кивнул.

— Пошли, — сказал он. — Здесь больше никого нет.

И мы пошли. Так я встретил Варфоломея. Хотя тогда, конечно, его звали иначе.

Дальше вы знаете. Или нет. Неважно.

Важно, что Врат становилось всё больше. Каждый день. Каждую ночь. Они открывались по всему миру — в городах, в полях, на островах в океане.

Электричество исчезло как явление. Техника, компьютеры, всё, что работало от розетки, — сдохло. Мир задохнулся в первую же неделю: магазины и больницы погасли, кра-

ны в домах высохли, а атомные станции, лишённые обслуживания, не выдержали и нескольких дней, заразив радиацией целые континенты.

Так и пало человечество. Не в эпической битве, не в последнем штурме, о котором поют баллады. Оно просто... стало не для нового мира.

Но потом, вдруг, заработали молитвы. По-настоящему. Не всегда. Не у всех. Но люди научились исцелять без лекарств, научились благословлять свое оружие, научились сражаться.

Никто не знал, почему это работает. И до сих пор не знает. Говорят, это Бог услышал нас. Говорят, это благо за кровь мучеников. Много чего говорят.

Я не знаю правды. И никто не знает.

Но молитвы работают. Для тех, чья вера истинна. Для тех, кто действительно верит — не на словах, не для галочки, а так, что готов умереть за эту веру.

Первые паладины появились как раз из таких людей. Из тех, кто смог поднять оружие и сказать: «Господи, благослови», — и оружие светилось. Теперь оно могло убить демона.

Паладины были героями. Настоящими. До конца.

Они гибли первыми. Потому что даже благословенное оружие не делает тебя бессмертным. Потому что демонов — тысячи. А паладинов — десятки.

Но они дали нам время. Время, чтобы построить стены. Собрать ресурсы. Эвакуировать тех, кто ещё мог бежать. Города-крепости выросли на костях паладинов, которые дер-

жали оборону, пока люди тащили мешки с песком и каменные блоки.

Их имена выбиты на стенах. Я проходил мимо. Ни одного не запомнил. Слишком много имён. Слишком мало памяти.

Зато теперь мир выглядит так.

Города-крепости — островки жизни, управляемые Церковью. За стенами — пустоши. Там нет закона, нет Бога, нет ничего, кроме демонов, бандитов и редких караванов торговцев. В пустошах до сих пор открываются Врата. Их запечатывают паладины. Потом они открываются снова. Бесконечная работа.

За пустошами — Тёмные Земли. Туда никто не совался. Те, кто посмел, не вернулись.

Мы знаем только, что каждое утро просыпаемся. Едим то, что есть. Молимся, если верим. Идём на стены, если есть силы. И ждём.

Чего? Я не знаю. Чуда? Или просто смерти, которая положит конец всему этому?

Но я перестал ждать. Я начал охотиться.

Демоны убивают людей. Я убиваю демонов. Не потому, что я герой. А потому что я умею это делать. И потому, что за их туши хорошо платят на чёрном рынке.

У меня есть мой меч, кистень и нужные знания. Этого достаточно, чтобы убивать и зарабатывать. Завтра. И послезавтра. И через год. И через десять лет, если я доживу.

А я, чёрт возьми, доживу.

— *Исайя, охотник на демонов. Элеон, двадцать пять лет со дня вторжения.*

Глава 1. Плач мертвых машин

Я не люблю заказы на гончих.

Это дерьмовая работа. Самая паршивая из всех, что может подвернуться охотнику. Дело не в опасности — опасность в пустошах везде, к ней привыкаешь, как к вони дубильни, если живёшь рядом с ней достаточно долго. Дело в том, что риск и вознаграждение здесь не складываются в ровную цифру. Никак.

Гончие — демоны врат первого круга, трофеи с них — мусор. Клыки годятся только на самую дешёвую алхимию, желчь берут редко, сердце — разве что какой-нибудь неофит возьмёт для тренировки, чтобы не портить дорогой материал. За целую тушу дадут от силы тридцать серебряных, и то, если повезёт найти дурака. А риск при этом — огромен. Стая из пяти голов может порвать тебя в клочья быстрее, чем ты успеешь прочитать молитву. А из десяти — считай ты уже покойник. А ведь бывают стаи и по тридцать адских псов.

Короче, слишком много работы, слишком мало прибыли, и слишком велик шанс, что твои кишки будут волочиться по пыли, пока ты еще жив.

Но в тот вечер я не стал отказываться.

Это был занюханый кабак на окраине Элеона. Я сидел в самом тёмном его углу и пил кислое пойло, которое здесь гордо называли пивом.

«Пьяный кабан» — подходящее название для дыры в трущобах, где деревянные столы помнили кровь лучше, чем еду, а воздух был настоян на дешёвом алкоголе и пережаренном масле. Сюда не забредали рыцари Ордена — их белые плащи стали бы серыми от копоты через минуту. Здесь собирались охотники, наёмники, мелкие воры, шлюхи, дезертиры и те, кто просто не нашёл себе места за высокими стенами центральных районов.

За барной стойкой стоял Густав — здоровенный мужик с лицом, перекроенным старым шрамом от виска до подбородка. Он лениво протирал кружки грязным полотенцем и никогда не задавал лишних вопросов. За это его здесь и уважали.

Я отхлебнул пива и поморщился. Тёплое. Но другого всё равно нет.

Мысли лениво ворочались в голове, как мухи в зимней спячке. Я пытался вспомнить имя. Имя той девчонки, с которой провёл последний час в комнатке наверху. Оно не вспоминалось. Я перебирал варианты один за другим, и все они казались неправильными.

Марта? Нет, Марта — это та, рыжая, из «Дикого улья». Зоя? Слишком звонко. Лина? Может быть. Аглая? Слишком вычурно для этих трущоб. Даша? Глаша? Нет, не то.

Имя ускользало, как вода сквозь пальцы. Но зато я прекрасно помнил всё остальное.

Она была совсем молодой. Лет восемнадцать, может, едва

исполнилось девятнадцать, хотя в трущобах возраст определяешь на глаз и часто ошибаешься в большую сторону — жизнь здесь старит быстро. Но эта ещё сохранила что-то свежее, почти детское в лице. Большие глаза, чуть испуганные, но умело прячущие этот испуг за деланной развязностью. Русые волосы, собранные в небрежный пучок на затылке, из которого выбились пряди, прилипшие к влажной шее. Чумазая — не грязная, а именно чумазая, как котёнок, который только что вылез из подвала. На скуле — развод сажи, на плече — синяк, уже желтеющий, старый. Наверное, от кого-то из предыдущих клиентов.

Её тело было молодым. Упругим, гибким, жадным до жизни. Налитая грудь, втянутый живот, острые коленки, которые она неловко пыталась прижать к моим бокам. И кожа — грубая, шершавая на локтях и пятках, но мягкая и горячая там, где не касалась грубой работы.

Пахло от неё потом, дешёвым мылом и чем-то ещё — может, дымом, может, просто жизнью трущоб. Запах бедности. Запах выживания.

Она не была умелой. Не была опытной. Её движения были рваными, немного неуклюжими, она то спешила, то замирала, будто вспоминая, что нужно делать дальше. Но в этой неуклюжести была своя, странная прелесть. Она старалась. Честно старалась отработать свои монеты, и это подкупало больше, чем отточенные профессиональные навыки дорогих шлюх из Верхнего города.

А ещё она стонала. Не профессионально-фальшиво, а по-настоящему — тихо, сдавленно, словно удивляясь тому, что с ней происходит. И в этом было что-то живое. Что-то, что заставило меня на несколько минут забыть, кто я и где нахожусь. Именно такие моменты для меня стоят монеты, а иногда даже двух.

Когда всё закончилось, она быстро оделась, зажала в кулачке свою пару серебряных монет и благодарно посмотрев, скромно произнесла: «Спасибо, господин».

Выскользнув за дверь, она оставила после себя только запахи и смутное ощущение тепла.

Идеальная девушка для такого вечера. Идеальный вечер для такого, как я.

Я сделал ещё глоток пива. Имя. Чёрт бы побрал это имя. Мара? Нет. У Мары волосы короче, я помню. Вера? Таня? Люба? Нет, что-то другое. Простое. Короткое. Мила? Или Катя. Или просто девка без имени, одна из сотен таких же, что живут от клиента к клиенту в этом проклятом городе.

Я так и не вспомнил. Но, в конце концов, какая разница? Она получила свою плату, я получил свои минуты забытья. Мы в расчёте.

А завтра будет новая охота и возможно новая девка.
— Можно присесть?

Голос прозвучал прямо над ухом, разрушив хрупкую идиллию. Я медленно повернул голову.

Мужчина. Лет сорока пяти, может, чуть больше. Одутло-

ватое лицо, мешки под глазами, жидкая бородёнка. Одет в дорожный костюм — когда-то добротный, но сейчас мятый, пыльный, с парой свежих разрезов на рукаве. Типичный торговец средней руки. Из тех, что водят караваны между городами, рискуя шкурой ради прибыли.

Пахло от него страхом. Густым, липким, застарелым. Так пахнут люди, которые видели смерть вблизи и не смогли её забыть.

— Не люблю, когда мне мешают пить, — отрезал я.

Он не ушёл. Вместо этого на стол передо мной шлёпнулся увесистый мешочек. Ткань расползлась, и в тусклом свете масляных ламп блеснуло серебро. Много серебра.

Я опустил кружку. Посмотрел на мешочек. Потом на торговца.

— Что ж. Садись. Рассказывай.

Он нервно сглотнул, облизал пересохшие губы и сел напротив.

— Меня зовут Эфраим, — начал он тихо, озираясь по сторонам. — Я купец. Третий день как из Еноха. Вёз ткани, соль, кое-какие продукты. Караван был приличный, охрана нанята по всем правилам. Пятеро рыцарей, все с благословлённым оружием.

Он замолчал, уставившись в стол. Руки его дрожали.

— Мы шли через пустоши, по старому тракту. Там жутковато, беспокойно, но обычно проходим. А в этот раз... — он снова сглотнул. — Они напали на рассвете. Стая. Штук

двадцать гончих, может, больше. Мы даже не успели толком построиться. Рыцари держались, сколько могли, но их просто задавили числом.

— Ближе к делу, — перебил я. — Слезливые истории я слушаю за отдельную плату.

Он вздрогнул, но кивнул.

— Мой младший брат, — выдавил он. — Степка. Он был со мной в том караване. Мы вместе всё начинали. Вместе выживали. А теперь... — он сжал кулаки. — Одна из тварей схватила его. Прямо у меня на глазах. Рвала заживо, и он кричал. А я... я ...

— Сочувствую, — бросил я.

Соврал, конечно, и глазом не повел. Таких историй я слышал сотни. Они не трогали меня уже давно. Или я убедил себя, что не трогают.

— Я запомнил эту гончую, — продолжал он уже твёрже, с ненавистью. — Большая, крупнее остальных. Одноглазая. Вся морда в старых шрамах. Опытная тварь. Матёрая. Она была вожаком, я уверен. Она... она сожрала его. Там, на дороге.

Он поднял на меня красные, воспалённые глаза.

— Я хочу её смерти, охотник. Я заплачу. Сто серебром. Пятьдесят сейчас, — он кивнул на мешочек, — и пятьдесят, когда принесёшь мне её голову. Я хочу плевать в её пустую глазницу до конца своих дней.

Сто серебром. За голову паршивой гончей. Это было...

неожиданно. Очень неожиданно. За такие деньги можно месяц жить в приличной таверне, есть мясо каждый день, купить новую броню или пару хороших кинжалов. За сотню серебра некоторые охотники рискуют жизнью в пустошах неделями.

А тут — всего лишь гончая. Пусть матёрая. Пусть с большой стаей.

Я снова посмотрел на мешочек. Пятьдесят серебром. Аванс. Приличный аванс.

— Сто пятьдесят, — отчеканил я. — Пятьдесят сейчас, сотня после.

Торговец нахмурился, засопел. Я видел, как в нём борются жадность и жажда мести. Месть победила.

— Согласен, — выдавил он. — Но голова должна быть у меня в руках не позже, чем через два дня. Потом я выдвигаюсь обратно в Енох.

— Договорились, — я сгрёб мешочек в карман плаща. Тяжёлый. Приятно тяжёлый. — Где тебя найти?

— Я остановился в «Сломанном Колесе», в торговом квартале. Спроси Эфраима из Еноха.

Я лишь молча кивнул. Торговец встал, собираясь уходить, но замешкался, будто хочет еще что-то добавить. Посопел собираясь с мыслями, потом резко развернулся и просто ушёл.

Ещё некоторое время я сидел, глядя в тёмный угол, где плясали тени от лампы. Завтра охота. Завтра я снова буду

рисковать шкурой ради денег. Как обычно.

Я бросил пару медяков на стол, кивнул Густаву и поднялся в свою комнату — ту, где час назад стонала безымянная девка. Кровать всё ещё хранила запах её тела.

Я лёг, уставившись в тёмный потолок, где бегали тени от факелов за окном. Сон не шёл. Мысли крутились вокруг предстоящего дела, вокруг странного торговца с его жадной мести. И вокруг этой девчонки.

Я перевернулся на бок, закрыл глаза, пытаюсь ухватить ускользающее воспоминание.

Черт бы побрал это имя.

Проснулся я затемно. Привычка, въевшаяся в кости за годы охоты — вставать раньше солнца, пока твари ещё ленивы и сонливы после ночной кормёжки. Или наоборот — сыты и неповоротливы. Зависит от твари. С гончими лучше всего встречаться на рассвете, когда их вой стихает, а голод ещё не проснулся по-настоящему.

В комнате было холодно. Из рта шёл пар. Я сел на край кровати, растёр лицо ладонями, прогоняя остатки сна. Сборы — это ритуал, нетерпящий суеты. Спешка в пустошах убивает быстрее демонов.

Сначала — тело. Я стянул пропотевшую рубаху, плеснул в лицо ледяной водой из кувшина. Растёр грудь, плечи, шею жёстким полотенцем, пока кожа не покраснела. Кровь побежала быстрее, прогоняя утреннюю вялость. Затем — про-

стая хлопковая рубаша, плотные штаны с усиленными наколенниками. Поверх — композитная броня. Лёгкая, потертая, в царапинах и зазубринах, каждая из которых — память о чьих-то когтях или клыках. Никаких гербов, никаких опознавательных знаков. Только тёмный, почти чёрный металл и кожа, выдавшая лучшие дни. Я не рыцарь, чтобы блистать. Моя броня должна гнуться, дышать и не сковывать движений. С этим она справлялась.

Плащ. Плотный, тёмно-коричневый, с глубоким капюшоном. Он скрывал очертания фигуры, гасил блики металла, делал меня тенью среди теней. В пустошах это часто важнее, чем прочность доспеха.

Теперь — оружие.

Меч. Длинный, с простым перекрестием и обмотанной потемневшей кожей рукоятью. Я вытащил его из ножен, проверил баланс. Лёг в ладонь как влитой. Сталь тускло блеснула в свете свечи — хорошая сталь, проверенная не одной битвой.

Я протёр лезвие промасленной тряпицей, убрал в ножны.

Кистень. Тяжёлый, с шипастым шаром на короткой цепи. Хорош против тварей с прочной шкурой — пробивает, дробит кости, оглушает. Его я повесил на пояс, справа.

Кинжалы. Два. Левый рукав — стальной, простой, без изысков. Для добивания, для хозяйственных нужд, для всего, где не нужна особая чистота металла. Правый рукав — серебряный, с узким лезвием и рукоятью, обмотанной чёр-

ным шнурком. Серебро против некоторых тварей работает не хуже благословлённой стали. А иногда — лучше. Я проверил, легко ли выходят из ножен. Легко. Третий кинжал в сапоге, на самый крайний случай.

Гончие. Что я знаю о них, помимо того, что трофеи с них — дерьмо, а стаи — смертельны?

Их слабость — страх. Вернее, его отсутствие. Гончая чувствует ужас, как акула — кровь. Вой пробуждает его даже в самых стойких, это физиология, это вшито в саму природу звука. Но если ты сумел задавить страх в зародыше, если твоё сердце бьётся ровно, а в голове — только трезвый ум — ты становишься им не интересен. Они не «чувствуют» тебя как добычу.

Я научился этому давно. Когда терять нечего, когда ты уже умер внутри — бояться перестаёшь. Это не смелость. Это пустота. И сегодня она снова спасёт мне жизнь.

Второе — резкий звук. Удар металла о металл, взрыв, рог. Дезориентирует на несколько секунд. У меня нет рога, но кистень о камень или клинок о клинок — тоже сгодится.

Третье — благословлённое оружие. Просто сталь их не берет — раны тут же зарастают. Нужен клинок, по которому прошлась молитва.

Я застегнул последнюю пряжку, накинул капюшон и вышел в серый предрассветный сумрак Элеона.

Город только просыпался. Трущобы пахли дымом очагов, нечистотами и сыростью. Где-то плакал ребёнок, где-то хрипло лаяла собака. Люди спешили по своим делам —

угрюмые, закутанные в лохмотья, с пустыми глазами. Они не смотрели на меня. Я не смотрел на них. Мы все здесь — тени.

До дома Варфоломея идти было минут двадцать быстрым шагом. Он жил не в трущобах, но и не в Верхнем городе — где-то посередине, в квартале ремесленников и отставных солдат. Маленький домик с крошечным садом, который старик упрямо возделывал, несмотря ни на что. Говорил, что это напоминает ему о мире до Вторжения. О мире, где можно было просто растить цветы и не думать о демонах.

Я постучал. Дверь открылась почти сразу — Варфоломей всегда вставал рано. Привычка солдата.

Он стоял на пороге, щурясь спросонья, и выглядел... старым. Морщины на лице, седые волосы, собранные в хвост, сутулые плечи. Но глаза — живые, цепкие, всё ещё острые, как у ястреба. Он был в простой холщовой рубаше и штанах, босой. В одной руке держал кружку с чем-то дымящимся.

— Исайя, — сказал он вместо приветствия. Голос был хриплым со сна, но тёплым. — Какого демона в такую рань?

— Заказ, — коротко ответил я.

Он посторонился, пропуская меня внутрь. В доме пахло травами и старым деревом. На столе горела масляная лампа, рядом лежала раскрытая книга. Писание. Варфоломей читал его каждое утро. Говорил, что это помогает помнить, за что мы сражаемся. Я не спорил, хотя сам давно перестал искать ответы в книгах.

— Что за заказ? — спросил он, садясь за стол и кивая мне на второй стул.

Я сел.

— Гончие. Старый тракт. Купец из Еноха хочет голову матёрой. Одноглазой. Говорит, что стая большая, голов двадцать. Может, больше.

Варфоломей нахмурился.

— Старый тракт? Нехорошее место.

— Знаю, — согласился я. — Но аванс уже у меня.

Старик покачал головой, но ничего не сказал.

— Благослови мое оружие, — попросил я, выкладывая на стол меч, кистень и оба наручных кинжала, — пожалуйста.

Варфоломей поднял бровь.

— Вот опять. Снова. Почему не сам?

— У тебя лучше получается, — буркнул я.

Варфоломей посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Потом вздохнул, отставил кружку и поднялся.

— Ладно. Давай сюда.

Он положил ладонь на мой меч, закрыл глаза и зашептал. Слова были тихими, почти неслышными, но я знал их наизусть. «Господи, благослови оружие сие на защиту невинных и погибель нечисти...» Старые слова. Простые. Но в его устах они звучали так, будто сам воздух вокруг становился плотнее и чище.

Когда он закончил, меч едва заметно светился — тёплым, золотистым светом. Благословение легло ровно, плотно, как

хорошо подогнанный доспех.

— Спасибо, — произнес я, убирая оружие.

— Будь осторожен, — ответил Варфоломей. — И возвращайся. Ты мне ещё должен партию в шахматы.

— Будь здоров, старый паладин, — усмехнулся я, затем хлопнул его по плечу и вышел.

Городские ворота Элеона открывались с первыми лучами солнца. Я вышел в пустоши, когда небо на востоке только начало наливаться бледной желтизной.

И остановился.

Каждый раз, выходя за стены, я на секунду замирал. Не от страха. От... не знаю. Может, от памяти.

Передо мной лежал мёртвый мир.

Когда-то здесь был пригород — жилые кварталы, дороги, заправки, супермаркеты. Обычная жизнь обычных людей. Теперь это были руины. Остовы зданий торчали из земли, как гнилые зубы. Асфальт потрескался, и сквозь трещины пробивалась жухлая, больная трава — серая, с бурыми прожилками, будто отравленная изнутри. Машины стояли вдоль дорог — ржавые, покореженные, некоторые перевёрнутые, некоторые просто брошенные с распахнутыми дверцами, словно хозяева выскочили на секунду и не вернулись.

Небо над пустошами всегда было странного оттенка — не синее, не серое, а какое-то выцветшее, будто старая фотография. Солнце светило, но не грело. Ветер нёс запах гниения, к которому привыкаешь настолько, что перестаёшь замечать.

Я обернулся.

Элеон возвышался за моей спиной — огромный, мрачный, оштетинившийся стенами и башнями. Город-крепость. Островок жизни посреди моря смерти. Его стены были сложены из бетона, камня и металла — всего, что смогли найти и переплавить. Наверху, на стенах, виднелись фигурки рыцарей и паладинов в белых плащах. Они смотрели в пустоши, высматривая угрозу. Или просто делали вид, что смотрят.

Элеон был моим домом. Единственным, что у меня осталось. Но каждый раз, глядя на него со стороны, я чувствовал себя... чужим. словно этот город-крепость был не для таких, как я. словно он терпел меня только потому, что я приносил пользу.

Я отвернулся и зашагал к Старому тракту.

К нему я вышел через час. Когда-то это была оживлённая магистраль — шесть полос, разделительная полоса, развязки, мосты. По ней ездили грузовики, легковушки, автобусы. Люди спешили на работу, домой, в отпуск. Теперь это была просто полоса относительно ровной земли среди руин, заваленная металлоломом. В отдалении тракт перегораживала баррикада — крупная авария из не менее двадцати машин: две фуры, автобус, легковушки. Следы пожара были до сих пор отчетливо видны.

Я обошёл место стороной и вышел на открытый участок. И тогда я их услышал.

Вдоль дороги, насколько хватало глаз, стояли ветряки.

Сотни башен с длинными лопастями, уходящие к горизонту. Все как один — мёртвые. Ржавые. Заклинённые намертво. Некоторые покосились, другие потеряли лопасти и теперь напоминали скелеты гигантских птиц.

И все они звучали.

Это был скрип. Но не обычный — не тот, что издаёт ржавая петля или старая дверь. Это был рабочий скрип. Ритмичный, равномерный, с тем самым постукиванием, которое бывает, когда многотонная махина делает полный оборот.

Скрииип-тук. Скрииип-тук. Скрииип-тук.

Я подошёл к ближайшему ветряку. Лопасти застыли, сваренные ржавчиной в единый неподвижный крест. Я видел это своими глазами. Но звук шёл именно оттуда — с высоты, где ось входила в ступицу. Металлический стон вращения. Размеренный. Живой.

Я поднял руку, и тень от моей ладони легла на бетонное основание.

А рядом с ней легла другая тень. Длинная, узкая, движущаяся.

Я резко обернулся. Ничего. Только мёртвые лопасти над головой.

Но тень на бетоне двигалась. Медленно, плавно, как и положено лопасти ветряка. Она ползла по земле, пересекала трещины, наползала на мою собственную тень и уходила дальше — туда, где через несколько секунд должна была появиться следующая. И следующая. Ритмично. Равномерно.

Скриип-тук.

Звук вращения шёл без остановки. И где-то на грани слышимости, вплетённые в этот скрип, звучали голоса. Обрывки фраз. Чей-то смех. Обрывок музыки. Словно мёртвый мир всё ещё пытался говорить.

Местные называли это место «Плачем мёртвых машин». Говорили, что в тот день, когда открылись Врата, что-то сломалось в самом времени. И теперь призраки ветряков продолжают вращаться в другом слое реальности — невидимые, но видимые в тенях. Слышимые, но неосязаемые. Говорили, что те, кто слишком долго смотрит на эти тени или слушает эти голоса, сходят с ума. А потом уходят в глубь ветряков и не возвращаются.

Я отвёл взгляд от ползущей по земле тени. Пересилил себя. И зашагал дальше.

Ветряки провожали меня своим хором. У каждого был свой голос — высокий визг, низкий стон, быстрый перестук. Тени от невидимых лопастей скользили по земле, пересекали дорогу, наползали друг на друга. Я старался не смотреть на них. Но краем глаза всё равно замечал это движение — ровное, ритмичное, неостановимое.

Я шёл по обочине тракта, внимательно глядя под ноги. Следы. Много следов. Лапы гончих — глубокие, с отпечатками когтей. Свежие. Очень свежие. Они пересекали тракт в нескольких местах, уходили в сторону ветряков, возвращались. Твари патрулировали территорию. Это была их земля.

Первых гончих я увидел через час.

Они лежали в тени перевёрнутого грузовика — две твари, небольшие, молодые. Спали, свернувшись клубками, как обычные собаки. Их бока мерно вздымались, из приоткрытых пастей капала едкая слюна. Рядом валялись обглоданные кости — чьи, уже не разобрать.

Я медленно отступил в тень ближайшего ветряка. Молодые гончие — не проблема. Но где двое, там и стая. И если я подниму шум сейчас, вся охота пойдёт насмарку.

Место нападения на караван я нашёл ближе к полудню.

Оно было... впечатляющим. В плохом смысле.

Повозки — три штуки — лежали на боку, разбитые, разтерзанные. Ткани, соль, какие-то ящики — всё разбросано, втоптанно в грязь и кровь. Кровь была везде. На асфальте, на обломках, на колёсах. Засохшая, бурая, страшная. Я насчитал пять тел. Люди. Вернее, то, что от них осталось. Гончие не брезгают падалью. Они жрут всё.

Одного из рыцарей я узнал по остаткам разодранных доспехов. Благословлённый меч валялся рядом — сломанный пополам. Благословение не спасло. Стая была слишком большой.

Я обошёл место побоища по кругу, высматривая следы. И нашёл. Широкая полоса засохшей крови вела прочь от тракта, в сторону холмов, где стояли самые старые, самые высокие ветряки. Гончие волокли добычу в логово. Туда, где их никто не потревожит.

Я двинулся по следу.

Логово обнаружилось через полчаса. Это была старая насосная станция — приземистое бетонное здание с провалившейся крышей и выбитыми окнами. Вокруг неё, словно стражи, стояли четыре ветряка — особенно старые, ржавые, скрипучие. Их лопасти почти касались друг друга, создавая над станцией подобие клетки из мёртвого металла.

Я залёг за остовом старого трактора — ржавого, разобранного на части, но всё ещё дававшего укрытие, — и стал наблюдать.

Их было много. Я насчитал восемнадцать особей, и это только те, что были снаружи. Внутри станции возможно прятались ещё. Они лежали, бродили, грызлись из-за обглоданных костей. Одна гончая, поменьше, тащила в зубах человеческую руку. Другая лениво грызла чей-то череп, хрустя костями, как собака сахарной косточкой. Обычная стая.

А в центре, на возвышении из бетонных обломков, лежала Одноглазая.

Большая, крупнее остальных почти вдвое. Морда — сплошное месиво из старых шрамов. Один глаз — пустая глазница, затянутая рубцовой тканью, с неровными краями, словно кто-то вырвал глаз грубо, крюком или когтем. Второй — горящий уголь, злой, умный, цепкий. Она не спала. Она смотрела куда-то вдаль, в сторону тракта, и её единственный глаз медленно обшаривал горизонт.

Матёрая. Опытная. Опасная.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Не страх — нет. Скорее, уважение. Такие твари не живут долго случайно. Она выжила там, где погибли сотни её сородичей. Она научилась думать, планировать, избегать ловушек. Она была достойным противником.

И мне предстояло её убить.

Я прикинул расстояние. До неё метров семьдесят. Если я пойду в лоб, меня просто задавят числом. Нужно думать.

Я отполз назад, скрываясь за остовом трактора, и тихо выругался — церковь должна была зачистить этот тракт. Обязана была. Это её работа, её долг, её святая обязанность перед людьми, которые платят ей десятину и молятся в её храмах.

Но они не пришли.

Почему? Да потому что Старый тракт — никому не нужная дорога. Караваны ходят здесь раз в месяц, не чаще. Основные торговые пути проходят южнее. А это место... зачем рисковать ценными паладинами ради кучки купцов и развалин? Проще объявить тракт «временно опасным» и забыть о нём. А то, что здесь гибнут люди... что ж, они сами выбрали этот путь. Церковь не несёт ответственности за глупость торговцев, которые не наняли достаточно охраны.

Церковь считала жизни. И жизнь паладина стоила дороже, чем жизнь торговца средней руки. Простая арифметика. Холодная, расчётливая, лицемерная.

Впрочем, если бы она сделала свою работу, я бы остался

без своей. Так что... спасибо Церкви за её лицемерие.

Я сжал рукоять благословлённого старым паладином меча. Тёплое золотистое свечение держалось, ровное, спокойное, как дыхание спящего.

Варфоломей.

Он знал, что я мог благословить оружие сам. Мои молитвы работали даже сильнее, чем у него. Я знал это. Чувствовал каждый раз, когда оставался один и шептал слова, которые никогда не произносил при свидетелях. Мой свет был ярче. Мой огонь жёг демонов так, как не жёг ни у одного паладина, с которыми мне приходилось работать.

Но я всё равно приходил к нему. Каждый раз. Перед каждым выходом в пустоши.

Зачем?

Может, это была дань уважения. Варфоломей подобрал меня, сопливого мальчишку, когда весь мой мир рухнул в один день. Он не читал мне проповедей, не тащил в Церковь, не пытался сделать из меня «правильного» паладина. Он просто учил выживать. Убивать. Думать. Он был рядом, когда я учился держать меч, когда зашивал мои первые раны, когда я хоронил первых друзей. Он заменил мне отца — не потому что хотел, а потому что так вышло. Потому что больше никого не осталось.

Может, это была привязанность. Глупая, почти детская потребность знать, что где-то за стенами Элеона есть человек, который ждёт моего возвращения. Который спросит,

как прошла охота, и не осудит, если я отвечу коротко и зло. Который просто нальёт кружку отвара и будет сидеть рядом, молча, не требуя разговоров.

Может, это был просто повод. Повод зайти в его старый дом, пропахший травами и временем. Увидеть, что он ещё жив. Что его сердце всё ещё бьётся, а глаза всё ещё смотрят на мир с той спокойной, усталой мудростью, которую дают только годы, проведённые в бою. Проведать старого ветерана, который научил меня всему — и теперь медленно угасал в своём маленьком саду, выращивая цветы среди пепла.

Я не знал. И, наверное, не хотел знать. Такие вещи лучше не трогать — иначе рассыплются в пыль, как всё в этом мире.

Я закрыл глаза.

Сложил руки.

Вдохнул.

— Господи...

Слово прозвучало тихо, почти неслышно. Я никогда не молился громко. Не вставал на колени в соборах, не бил поклоны перед кардиналом, не пел гимнов вместе с толпой, которая через час после службы шла обманывать, воровать и убивать. Церковь была для меня... пылью. Шелухой. Люди в белых мантиях, которые говорили правильные слова, но давно забыли, зачем их произносят.

Но Бог...

Бог был другим. Он был в пустошах, в тишине перед боем, в том странном спокойствии, которое накатывало, когда

смерть стояла в двух шагах и почему-то проходила мимо. Он был в утреннем свете, пробивающемся сквозь тучи над мёртвой землёй. В скрипе старых ветряков, которые отказывались умирать. В глазах Варфоломея, когда старик смотрел на свой сад и улыбался чему-то, чего я не мог понять.

Я не верил в Церковь. Я верил в Него. И эта вера была единственным, что у меня осталось настоящего.

— Господи, дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить...

Слова приходили сами. Старые, затёртые, как рукоять моего меча. Я не помнил, где услышал их впервые. Может, от Варфоломея. Может, прочитал где-то в старом мире, ещё до Вторжения. Может, они всегда были во мне — ждали, когда я научусь их произносить.

— ...мужество изменить то, что могу...

Меч в моей руке дрогнул. Тёплое золотистое свечение — ровное, спокойное — вдруг вспыхнуло. Яркое. Ослепительно. Пламя побежало по лезвию, от гарды до самого острия, чистое, белое, с едва заметной голубизной по краям. Оно не жгло — оно давало силу. Уверенность. Ясность.

— ...и мудрость отличить одно от другого.

Пламя успокоилось, осело, но не погасло. Я почувствовал, как по телу разлилось тепло — чистое, спокойное, как вода в горном ручье. Сомнения ушли. Осталась только готовность действовать.

Я открыл глаза. План в голове сложился сам.

Я поднялся, убрал меч в ножны и достал кистень. Тяжёлая гиря на короткой цепи привычно легла в ладонь. Благословение Варфоломея всё ещё держалось на ней — слабое, едва заметное. Но сейчас это было неважно. Сейчас важен был вес.

Я обогнул станцию. Ветер дул от стаи ко мне — хорошо, не учуют раньше времени. Подошел к ржавому остову с трещиной у основания лопасти. Отсюда стая была видна как на ладони.

Я размахнулся и с силой ударил кистенем по ржавой опоре.

ГУ-У-У-УН.

Звук разнёсся по пустоши, перекрывая даже скрип ветряков. Гулкий, низкий, вибрирующий.

Восемнадцать голов повернулись в мою сторону одновременно. Восемнадцать пар горящих глаз впились в меня. На секунду повисла тишина — та самая, что бывает перед грозой, когда воздух становится плотным и вязким.

А потом они сорвались с места.

Все разом. Лавина из костей, когтей и ярости. Они неслись на меня, не разбирая дороги, давя друг друга, захлёбываясь собственным воем. Земля дрожала под их лапами. Пыль поднималась столбом.

Я ждал. Сердце билось ровно.

Они были уже в пятидесяти метрах. В тридцати. В двадцати.

Я размахнулся и со всей силы снова ударил кистенем старому остову.

Металл взвыл. А потом раздался треск — громкий, рвущий, как выстрел. Огромная белая лопасть оторвалась от оси и полетела вниз — прямо на несущуюся стаю.

Я успел отскочить. Гончие не успели.

Лопасть рухнула, как гильотина. Удар был страшный. Земля содрогнулась, пыль взметнулась до неба. Вой захлебнулся, сменился визгом и хрипом.

Когда пыль осела, я увидел результат.

Пять тварей лежали под лопастью — мёртвые, раздавленные, вбитые в землю. Ещё четыре — придавлены, бились, визжали, пытаясь выбраться. Остальные — семь или восемь голов — рассыпались в стороны, оглушённые, дезориентированные.

А за их спинами на меня неслась она.

Одноглазая.

Единственный глаз горел уже не углём — полноценным пламенем. Из пасти капала слюна, шипя на бетонных обломках. Она была в ярости.

Я вытащил меч. Свечение разгорелось ярче — клинок словно сам рвался в бой.

Тварь прыгнула.

Я ушёл вбок, пропуская огромную тушу мимо. Меч полоснул по боку — и там, где прошло благословлённое лезвие, плоть зашипела, дымясь и сворачиваясь чёрной коркой.

Гончая взвыла от боли, но не остановилась.

Развернулась мгновенно, быстрее, чем я ожидал. Тяжёлая лапа ударила наотмашь — я подставил меч, но удар был такой силы, что меня отбросило на несколько шагов. Руку прострелило болью до самого плеча. Клинок выдержал. Я — пока тоже.

Слева накатила молодая гончая избежавшая падения лопasti. Мелкая, голодная, тупая. Я встретил её кистенем, даже не глядя. Тяжёлая гиля врезалась в висок, и тварь рухнула, даже не взвизгнув.

И тут же справа — ещё одна. Меч рассёк ей горло, плоть зашипела. Минус две.

Но пока я отвлёкся на молодых, одноглазая снова прыгнула. На этот раз я не успел уйти. Её туша врезалась в меня, как таран. Я отлетел в сторону, ударился спиной о бетонный обломок, воздух вышибло из лёгких. Меч вылетел из руки и откатился на пару метров.

Она была уже надо мной.

Огромная пасть распахнулась, целясь в горло. Я успел выставить левую руку, и её челюсти сомкнулись на предплечье. Броня хрустнула. Когти впились в плечо, разрывая плоть. Боль была адская. Горячая слюна шипела на металле.

Я закричал. Правой рукой выхватил из сапога кинжал — стальной, простой, без благословения — и вогнал её в единственный глаз по самую рукоять.

Она взвыла так, что у меня заложило уши. Разжала челю-

сти, отшатнулась, мотая головой и пытаясь сбросить кинжал из глазницы. Чёрная кровь хлестала по бетону.

Я вскочил. Левая рука висела плетью, но правая уже тянулась к мечу. Схватил его, развернулся и прыгнул на тварь.

Первый удар отсёк ей переднюю лапу. Вторым рассёк горло. Она рухнула. Попыталась подняться, но это было уже невозможно.

Я занёс меч и вонзил ей в горло, проткнув его насквозь. Судорога пробежала по телу, последний визг. Все.

Я выпрямился, тяжело дыша. Огляделся.

Три уцелевшие гончие стояли поодаль. Смотрели. Я сделал шаг в их сторону, и они развернулись и побежали прочь, в пустоши.

Левая рука висела плетью, я чувствовал, как по венам разливается холод. Некротический яд. Предплечье было разорвано в клочья, края раны чернели, плоть отмирала, расплывалась, как гнилая ткань. Если не остановить — потеряю руку. А может, и жизнь. Я опустился на колени. Закрыв глаза. И прошептал несколько слов — те, что читал слишком часто в последние годы. Те, что всегда работали, даже когда я сам не верил, что достоин ответа.

Тепло разлилось от груди. Медленно, мягко. Оно поднялось к плечу, собралось вокруг раны, запульсировало. Холод отступил. Края раны перестали чернеть, начали стягиваться. Через минуту я открыл глаза. От некроза не осталось и

следа. Обычная рваная рана. Обычная кровь. Обычная боль. Жить буду, но лучше зашить.

Я поднялся. Огляделся.

Четыре гончих, придавленных лопастью, всё ещё бились, визжали, пытались выбраться. Одна уже почти освободилась — передние лапы скребли по земле, разбрасывая щебень, задние ещё были зажаты бетоном. Я подошёл к ней. Она зарычала, попыталась цапнуть меня за ногу, но я просто отступил на шаг и ударом меча отсёк ей голову. Визг оборвался.

Вторая была придавлена намертво — только морда торчала из-под обломка. Она скулила, как обычная собака, и в её горящих глазах не было ничего, кроме боли и непонимания. Я убил её быстро. Кинжал в основание черепа.

Третья попыталась уползти, волоча перебитый хребет. Я догнал её в два шага. Меч рассёк позвоночник.

Четвёртая была ещё жива, но уже не двигалась — только бока вздымались, и из пасти вырывалось хриплое дыхание. Я посмотрел на неё секунду. Добил.

Осталось собрать трофеи.

Резал я дольше обычного, рана давала о себе знать. Когда голова одноглазой наконец отделилась, я поднял её за шкурку. Тяжёлая. Я завернул трофей в промасленную ткань, убрал в мешок. Потом вырезал сердце, клыки и желчный пузырь. Не бог весть что, но на рынке за них дадут ещё серебра.

Затем перешёл к придавленным. С них много не возьмёшь — молодые, клыки мелкие, желчь так себе. Но я всё равно

вырезал то, что могло пригодиться. Работа есть работа.

Когда закончил, солнце уже садилось за ветряками. Их скрип стал тише, словно мёртвые машины тоже устали за день. Тени от невидимых лопастей скользили по земле — длинные, чёрные, равнодушные.

Я поднялся, выдохнул, размял затёкшую спину. Пора было возвращаться. Мешок с трофеями оттягивал правое плечо. Левое ныло, но слушалось — рана затягивалась.

До города добрался уже в темноте. Ворота закрывали на ночь, но стражники знали меня в лицо. Пропустили молча, даже не спросив про мешок. Им было плевать, что я тащу и откуда. Охотник возвращается с добычей — обычное дело.

«Сломанное Колесо» нашёл быстро. Торговый квартал даже ночью жил своей жизнью — горели факелы, гремели телеги, где-то орал пьяный мужик. Я поднялся на второй этаж, нашёл нужную дверь и постучал.

Эфраим открыл не сразу. Сначала долго возился с засовом, потом приоткрыл дверь на цепочку, вглядываясь в темноту. Увидел меня — вздрогнул. Увидел мешок в моей руке — замер.

— Открывай, — сказал я.

Он впустил меня, суетливо запер дверь и повернулся. Глаза бегали по мешку. Я молча развязал ткань и вывалил голову одноглазой на стол.

Она ударилась о дерево с глухим стуком. Эфраим отшатнулся, потом подошёл ближе. Наклонился. Вгляделся в мёрт-

вую морду, в шрамы, в пустую глазницу, в запёкшуюся чёрную кровь.

Он молчал долго. Я не торопил.

Потом он выдохнул — длинно, с присвистом, словно держал этот воздух в груди все три дня с момента нападения на караван. Кивнул каким-то своим мыслям и полез в карман.

Отсчитал сотню серебром. Монеты легли на стол рядом с головой — тусклые, тяжёлые. Я сгрёб их в ладонь, пересчитал, ссыпал в свой мешочек.

— Сделка закрыта, — сказал я. — Голова твоя.

Он снова кивнул, не отрывая взгляда от твари. Я развернулся и пошёл к двери. Уже на пороге он сказал негромко:

— Спасибо, охотник.

Я не обернулся. Просто поднял руку — мол, услышал — и вышел в коридор.

К Варфоломею добрался за полночь. В окнах горел свет. Я постучал. Дверь открылась почти сразу.

Старик стоял на пороге, слегка улыбнулся.

— Справился? — спросил он.

— Справился.

Он кивнул, посторонился, пропуская внутрь. И только когда я прошёл мимо него, заметил, как я держу левую руку, а потом бурое пятно на рукаве. Ничего не сказал. Просто снял с полки коробку с нитками и иглами, поставил на стол бутылку с самогоном и чистую тряпку.

— Снимай.

Я стянул плащ, потом броню, потом рубаху. Рана на предплечье выглядела паршиво. Рваные края, запёкшаяся кровь, розовая молодая кожа там, где молитва выжгла некроз. Варфоломей налил самогона на тряпку и протёр рану. Я стиснул зубы. Потом он взял иглу и принялся шить. Руки старые, узловатые, но двигались уверенно. Стежок за стежком.

— На востоке Врата открылись, — сказал он, не поднимая глаз. — Второй уровень.

— Давно?

— Второй день. Завтра паладины выдвигаются на закрытие.

Я промолчал. Врата второго уровня — не новость. Горгульи, инферналы. Опасно, но не сильно. Паладины справляются. Не моё дело.

— Кардинал просил меня поучаствовать, — добавил Варфоломей.

Я повернул голову и посмотрел на него.

— Тебя? Зачем?

— Говорит, хочет оценить молодых. Отобрать тех, кого можно рекомендовать на третий уровень. Нужен опытный глаз.

— И ты согласился.

— Кардиналу не отказывают.

Я промолчал. Смотрел в стену, пока игла ходила в коже. Кардиналу не отказывают. Это правда. Особенно если ты старый паладин на покое, у которого нет ни чина, ни влия-

ния, ни защиты. Но всё равно что-то царапало изнутри. С чего бы кардиналу просить пенсионера? В Ордене полно командиров, которые могут оценить молодых. Что-то здесь было не так.

Варфоломей закончил шить, затянул последний узел, обрезал нитку. Протёр рану самогоном ещё раз — я зашипел сквозь зубы. Наложил чистую повязку.

— Готово. Неделя не нагружать.

Я кивнул, но не встал. Сидел, глядя на свою перевязанную руку.

— Не ходи, — сказал я.

Он поднял бровь.

— Врата — не твоя забота. Ты своё отслужил. У паладинов полно командиров чтобы оценить молодняк.

— Кардинал просил лично.

— А ты откажись. Скажи, старый, раны болят, ноги не ходят. Найдите кого помоложе.

Он покачал головой.

— Не могу.

Я замолчал. Понял, что спорить было бесполезно.

— Составить тебе компанию?

Варфоломей посмотрел на меня долгим взглядом, потом усмехнулся.

— Не строй из себя курицу-наседку, мальчик, а из меня инвалида. Справлюсь.

— Ладно, — вздохнул я, — Спасибо за швы.

Затем поднялся, натянул рубаху, броню, плащ. Пошёл к двери. На пороге обернулся.

— Только будь осторожен.

— Буду, — кивнул он.

Я вышел в ночь. Улицы Элеона были пусты. Ветер гнал по мостовой пыль, где-то вдалеке лаяла собака. Я шёл к «Пьяному кабану», к своей комнате, к своей кровати, где никто не ждал.

Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.